

«МНОЖЕСТВЕННО-ЕДИНИЧНОСТЬ» КАК ОДНА ИЗ КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ О. СЕДАКОВОЙ.

Звезгинцова М.Е.

«МНОЖИННО-ОДИНИЧНІСТЬ» («МНОЖЕСТВЕННО-ЕДИНИЧНОСТЬ») ЯК ОДНА З КОНЦЕПТОТВІРНИХ КАТЕГОРІЙ МІФОПОЕТИЧНОЇ КОСМОЛОГІЇ О. СЕДАКОВОЇ

У статті наводиться приклад аналізу авторської збірки О. Седакової «Вірші» («Стихи») з точки зору міфопоетики. Результатом аналізу є виділення основних семантичних комплексів (концептів), широко задіяних на мотивному рівні. Зроблені висновки стосовно генетичного зв'язку цих концептів із фольклорно-обрядовими традиціями слов'ян, проявлена специфіка функціонування «множинно-одичності» як одної з категорій концептного словника авторського метатексту.

Ключові слова: концепт, міфопоетика, метатекст.

Звезгинцова М.Э.

«МНОЖЕСТВЕННО-ЕДИНИЧНОСТЬ» КАК ОДНА ИЗ КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ О. СЕДАКОВОЙ

В статье приведен пример анализа авторского сборника О. Седаковой «Стихи» с точки зрения мифопоетики. Результатом анализа является выделение основных семантических комплексов (концептов), широко работающих на мотивном уровне. Сделаны выводы о генетической связи этих концептов с фольклорно-обрядовыми традициями славян, проявлена специфика функционирования «множественно-единичности» как одной из категорий концептного словаря авторского метатекста.

Ключевые слова: концепт, мифопоэтика, метатекст.

Zvegintsova M.E.

“PLURALITY/SINGULARITY” AS ONE OF THE CONCEPT-FORMING CATEGORIES IN O. SEDAKOVA'S COSMOLOGY

An example analysis of the “Verses” collection by O. Sedakova in the mythopoesis aspect is given in the paper. The result of the analysis is highlighting the major semantic clusters, or concepts, widely employed on the motif level. Conclusions are drawn on genetic connection of these concepts with the Slavic folklore and ritual traditions; the specifics of functioning of “plurality/singularity” as one of the concept lexicon categories of author's metatext.

Keywords: concept, mythopoesis, metatext.

Мифопоэтика является одним из наименее изученных аспектов лирики О. Седаковой, в то время как основы её (лирики) мотивов имеют прямое отношение к культурным архетипам и общечеловеческим универсалиям. Определённый интерес к данному вопросу проявляет Н.Г. Медведева в одном из разделов своей работы («Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции») «Инверсия сюжетного архетипа в стихотворной книге О. Седаковой «Старые песни»». Исследовательница отмечает: «На специфику жанра указывает уже название книги – «Старые песни», тем более что ее композиционное членение на первую, вторую и третью тетради провоцирует эстетическую иллюзию записи устных текстов, знакомой каждому филологу по фольклорным экспедициям [...] Обращение к поэтике фольклора, как уже было сказано, становится в «Старых песнях» одним из основных принципов художественного миромоделирования» [3, с. 271]. Такая стратегия не вызывает никаких сомнений как имманентная структурно-семантичес-

кой организации изучаемого текстового материала. Выбор поэтического цикла «Старые песни» для иллюстрации архетипных составляющих интертекста тоже оправдан как наиболее показательный. Однако для данной статьи представляется необходимым расширение стратегии прочтения в свете фольклорно-обрядовой поэтики до уровня авторского метатекста.

Задачей данной статьи является раскрытие одного из аспектов более обширного исследования, посвященного изучению мифопоэтического начала лирики О. Седаковой, с целью выработки интерпретационного кода, проявляющего ее типологические черты и основные интенции.

Объектами анализа оказываются особенности функционирования категории «множественно-единичности» на уровне всего исследуемого творчества.

Предметом исследования является весь поэтический сборник «Стихи» О. Седаковой, рассматриваемый как единый текст (метатекст).

Такой подход позволяет усмотреть архаичность основных работающих на мотивном уровне

концептов, таких как: «дом», «сад», «путь», «сон», «странник», «гость», «сердце», «душа», «птица», «отражение», «тень», «щель», «вода», «колодец», «лестница», «зрение», «слух», «вещество», «игла», «лицо», «свет», «огонь», «дерево», «куст» («шиповник»), «растение», «гроб», «колыбель», «земля»... «смерть», «жизнь». Все эти концепты так или иначе связаны с семантикой перехода или пограничности жизни и смерти. Именно эта семантика, как уже отмечалось исследователями [4, с. 208], образует основу лирического сюжета О. Седаковой. Что касается практически полного совпадения сюжетогенерирующих концептов исследуемых поэтических циклов с концептами-универсалиями, оно не представляется случайным: скорее речь идет об особом роде поэтического мышления – мышления концептами, наделенными ценностью архетипов.

О. Седакова в работе «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» для удобства описания рассматривает обряд как некий текст, имеющий свою особую синтаксическую структуру, семантику и прагматику. Материал данной статьи раскрывает один из аспектов именно той части будущего диссертационного исследования, которая ориентирована на рассмотрение мифопоэтического начала лирики О. Седаковой (в этой части предполагается прочтение основных концептов поэтического творчества О. Седаковой – прежде всего – в свете труда самого исследуемого автора и также в свете некоторых других этнографических трудов). Таким образом, анализ мифопоэтического начала в творчестве О. Седаковой будет родственен интертекстуальному анализу, когда изучается «приращение» [7, с. 104] смыслов, возникающее благодаря памятыванию одного текста о другом.

Выбранная стратегия требует определенной осторожности в смысле риска ложных параллелей и мотиваций. Однако попытка подобного рода прочтения позволяет объективировать в исследовательском/читательском сознании такие авторские интенции, которые по самой своей природе являются внемолоченными буквальному эксплицированию. В качестве примера такой объективации можно предложить рассмотрение имплицитно заданного семантического комплекса «множественно-единичности», выступающего в ряду буквально выраженных концептов, функционирующих на метатекстуальном уровне.

Основной ситуацией лирики О. Седаковой на метасюжетном уровне можно назвать ситуацию взаимообращения между мирами жизни и смерти. Различные модели этого диалога каждый раз уточняются либо за счет определения принадлежности субъектов высказываний к этому или иному миру, либо за счет невозможности или затрудненности такого определения. При этом следует подчеркнуть, что выделение субъекта высказывания

как таковое носит условный характер, в то время как нарративная структура поэтических текстов О. Седаковой довольно сложна: одна фраза зачастую может рассматриваться в качестве актуализации сразу нескольких голосов, звучащих одновременно или последовательно; начатое одним голосом может быть подхвачено другим; изначально дискретные высказывания могут вливаться в общую интонацию хора. То есть в целом авторские нарративные стратегии О. Седаковой отвечают логике невербальной или довербальной реальности, например, музыки, сна, архаическому предзнаению логики инобытия.

Довольно частой характеристикой метафизической коммуникации является анонимность ее участников. Кроме того, эта анонимность часто связана с амбивалентной «множественно-единичностью» [5, с. 33; 8, с. 42] субъекта, находящегося в позиции иноного/загробного знания: *«Душа воспитала шиповник,/ как братьев его – чернозем./ Когда вас никто не упомянет,/ шиповник помянет добром./ Вы знаете правду другую./ Но вы не слышали о том,/ что отперли клетку грудную/ и пролили воду со льдом./ И если пустот не заполнит/ твой запах, твой шаг во дворе./ душа воспитала шиповник/ на пляски и дом мошкар»* [6, с. 18]. Земля или чернозем – как первичная субстанция, из которой сотворен и в которую вернется человек (ср. Быт. 3:23) – растворяет в единстве и общности адресатов высказывания: они лишены имен, но они же и дискретно-единичны: *«братья его – чернозем»*. Подобные характеристики близки к обрядово-мифологическим представлениям о сущностях загробного мира: *«Это космос, а не люди. Они множественно-единичны, безымянны, безличны, равны между собой»* [8, с. 42]. В то же время довольно эксплицитными оказываются авторские интенции, связанные с мотивом воскрешения умерших – в данном случае – с возможностью восстановления или обретения инаковой единичности через опыт обезличивания во множественности. С такого рода интенциями, как правило, связаны в поэзии О. Седаковой мотивы памяти/забвения, знания/незнания, ср.: *«Вы знаете правду другую./ Но вы не слышали о том,/ что отперли клетку грудную/ и пролили воду со льдом»* [6, с. 18]. Знание участников такого рода коммуникации неравнозначно, свою полноту оно набирает только в таком пространстве, которое способно выполнять функцию посредника между двумя мирами принципиально единого бытия. Искомое пространство призвано снимать мнимую оппозицию жизнь/смерть, его поэтической актуализацией может быть вода, огонь, лестница, мост, дерево, куст и т.д., ср. – *«душа воспитала шиповник/ на пляски и дом мошкар»* [6, с. 18]. «Шиповник», с точки зрения мифопоэтики, близок к семантике «дерева»: *«Дерево как медиатор оппозиций верх/низ, близкое/далекое*

конкретизирует содержательную тему пути в обряде. Этимологическую связь дерева и дороги (*der-u- и *dor-gu-) см. [Иванов, Топоров 1965, 167]. [...] здесь, как и в [...] метафорах моря, моста, огня, мы имеем синкретическое слияние значений пути и целого, дороги в загробный мир и самого загробного мира, который может быть воплощен в метафорах воды (навь), огня (некло, блг. тъкъл) и дерева (сада, роци) – рай (см. о рае как мировом дереве [Иванов, Топоров 1974, 246])» [5, с. 55]. К сожалению, рамки данной публикации не позволяют обратить более подробное исследовательское внимание на «шиповник» как один из симптоматических концептов поэзии О. Седаковой.

С точки зрения «множественно-единичности» наиболее мотивно сопоставимым оказывается стихотворение «Земля» из цикла «Элегии», посвященное Сергею Аверинцеву. Здесь относительно первого стихотворения коммуниканты, представляющие сферы жизни и смерти, меняются ролями – знание смыкается со смирением, о котором можно лишь догадываться в мире живых: «... Может быть, умереть – это встать наконец на колени?/ И я, которая буду землей, на землю гляжу в изумлень./ Чистота чище первой чистоты! из области ожесточенья/ я спрашиваю о причине заступничества и прощенья, я спрашиваю: неужели ты, безумная, рада/ тысячелетиями глотать обиды и раздавать награды?/ Почему они тебе милы, или чем угодили?/ – Потому что я есть, – она отвечает. –/ Потому что все мы были» [6, с. 384]. Особенно важным здесь представляется авторское выделение прямой речи, обычно не свойственное для синтаксиса О. Седаковой, тяготеющего к выражению нарративного синкретизма голосов. Фраза, выделенная у автора курсивом: «*все мы были*», – выдает подлинных адресатов речи, тех, о ком спрашивалось: «Почему они тебе милы, или чем угодили?». Таким образом, происходит взаимоуплотняющее соединение личностного и множественно-универсального начал.

Степень универсализации лирического «я» в поэзии О. Седаковой достигает уровня онтологизированного сознания. Говорение от «я» оказывается многонаправленным (и в первую очередь автонаправленным) говорением сознания. Так, в мотивно родственном по отношению к вышеприведенным текстам стихотворении «Надпись» (посвященном В. Полухиной) из цикла «Стелы и надписи» открывается возможность диалога между единичным лирическим сознанием и его множественной потенцией: «Мы в тень уйдем и там, в тени,/ как в беге корабля,/ с тобой я буду говорить, о тихая земля,/ как говорит приречный знак,/ целуя ноги рек,/ как говорит зарытый клад,/ забытый человек» [6, с. 363]. Как видно, в этом стихотворении на мотивном уровне повторяется тема

памяти/забвения, о которой говорилось выше. Нужно подчеркнуть синонимическую связь мотивов забвения усопшего и бездомности, скитальчества, метафизических явлений и посещений в лирике О. Седаковой.

Так, в последующих примерах мифопоэтическая «множественно-единичность» относится именно к явлениям гостей из иного мира. При этом сама сущность или отдельные характеристики таких посетителей метонимично связаны с пространством инобытия. Поэтому главной ситуацией этих стихотворений является ситуация метафизического контакта между двумя мирами. В стихотворении «Датская сказка», относящемся к сборнику «Из ранних стихов», конкретизацией границы такого контакта является оконное стекло: «*Полночные капли гурьба за гурьбой/ гудели у стекл./ сестрица, а кто там?/ Там старый поэт. Он в кресле потертом/ горюет над чьей-то бездомной судьбой [...]* Стучат./ Но кого дожидаться ему? [...]» [6, с. 19]. Так, стекло выполняет функцию некоего разъединения, в то время как вода («*полночные капли*») выполняет функцию проводника – возможности метонимического присутствия иномирия.

В стихотворении «Гости в детстве» из того же поэтического цикла семантика водной стихии раскрывается подробным образом: «*В двух шагах от притворенной/ двери в детскую, за щель/ шепчут стайкой оперенной/ в крыльях высохших плащей./ Что ни скажут, позабудут./ Чем сулятся, не поймут./ Вместе выйдут, ливнем будут./ Только слова не возьмут./ И стоит оно слезами/ изголовья моего:/ словно ангелы сказали,/ не запомнив, для чего*» [6, с. 32]. Знание («слово») в этом стихотворении не принадлежит ни одной из персонификаций двух миров, то есть не принадлежит ни одному из миров, но соотносится с каждым из них, объединяя и обогащая. Интересен тот факт, что, если в поэзии О. Седаковой стороной, актуализирующей встречу или диалог, оказывается сторона иномирия, то невозможно говорить о вторжении или жестком нарушении границ. Ср. «*Полночные капли гурьба за гурьбой/ гудели у стекл.*» и «*В двух шагах от притворенной/ двери в детскую, за щель/ шепчут [...]*» (примеры можно умножать). Возможно, именно с авторской интенциональной направленностью на ненарочитость, ненасильственность, свободу диалога обоих измерений связана логика сложнейших метафорических и метонимических переносов, реализующаяся за счет многочисленных пересечений концептосфер заданных семантических комплексов. На примере уже данных контекстов можно увидеть, что метафизическая коммуникация у О. Седаковой нуждается в предметах или явлениях, ее опосредующих: например, стекло, щель (колодец) и т. п. Представление о необходимости опосредованности метафизической встречи или коммуникации является одной из

примет фольклорно-обрядового мышления (ср. «навья кость» [5, с. 60-61]).

Подводя итоги рассмотрения «множественно-единичности» как одной из важнейших характеристик мифопоэтической космологии О. Седаковой, можно обратиться к авторским наблюдениям в сфере славянской фольклорно-обрядовой традиции: *«В качестве славянского комментария к характеристике этих сил можно привести, например, поверья о вихре-стреешнике, в котором заключены погибшие души и который краснеет, если вонзить в него нож; о буре – это «повесившиеся гуляют» [...]; о планетниках, управляющих градowymi тучами [...]; о связи «заложных» с дождем, засухой, морозом и другие многочисленные факты осмысления души как космических явлений (или как ответственных за космические явления, но обитающих внутри них). Множественность-единичность выражена в самих терминах: души, наши (pluralia tantum), в том, что являются они целыми роями неразличимых существ [...], легкости превращения одного демонического существа в другое [...]* [5, с. 34]. Конечно же, с исследовательской точки зрения, интерпретационная буквализация, отождествляющая категории исследовательского и поэтического дискурсов О. Седаковой, недопустима. Однако такое компаративное обращение к двум видам текстуальности позволяет сделать вывод о несомненности их генетического родства, свидетельствующего о целостности порождающего их авторского сознания. Так, как было уже показано, широко функционирующие мотивы памяти/забвения, поименованности/анонимности в поэзии О. Седаковой имеют четко выраженный обрядово-мифологический генезис, ср.: *«Типологическое единство дедов и космических сил следует иметь в виду и тогда, когда в обрядах календарного цикла [...] обнаруживается поминальная тематика»* [5, с. 34], – а также: *«Функция имен в этой сфере подобна, вероятно, функции именовании стихий в заговорах [...] Имя умершего не называется на календарных поминках (на похоронах же запрещены даже термины родства – «мать», «сын», для них выработаны устойчивые метафорические замены [...]). Безымянность «душ» – такая же характерная черта народного языческого поминовения, как именование усопших в церковном поминовении»* [5, с. 35]. В это же время следует указать и на то, что мотивы памяти/забвения, поименованности/анонимности являются одними из определяющих для формирования аксиологического горизонта поэзии О. Седаковой, интенционально родственного христианской и – точнее – церковно-православной традиции поминовения усопших, а также родственного мировоззренческим основам русского космизма как попытки культурно-прикладной интерпретации этой традиции. Пример буквально литературного варианта такой

близости можно усмотреть в мотивных системах двух метатекстов: поэтического О. Седаковой и прозаического А. Платонова.

Выводы. Обращение к мифопоэтическому аспекту лирики О. Седаковой мыслится как имманентное самой логике авторских интуиций. Важнейшей характеристикой мифопоэтики О. Седаковой представляется фольклорно-обрядовое начало.

Изучение лирики О. Седаковой в виду ее генетической близости с фольклорно-обрядовыми традициями позволяет избежать ложной идентификации литературных претекстов, так как зачастую уплотнение семантических валентностей поэтического слова О. Седаковой происходит не за счет использования чужого текста в качестве окна в измерение культурных универсалий, но – напротив – именно обращение к морально-универсальным категориям способно актуализировать в сознании реципиента различные конкретно-текстовые или же культурные высказывания.

Важной характеристикой поэтики О. Седаковой является определенная стабильность концептного словаря и многосложное пересечение заданных концептосфер. Как эксплицитные, так и выраженные имплицитно основные концепты поэтического словаря имеют мифологическое начало.

Одним из базовых семантических образований является имплицитно заданная категория «множественно-единичности», функционирующая на уровне мотивного концепта (наряду с такими концептами, как: «дом», «сад», «путь», «сон», «душа», «вода», «зрение», «вещество», «растение», «гроб», «колыбель», «земля» и др., рассмотрение которых является задачей будущего исследования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Вяч., Топоров В. Славянские моделирующие языковые семиотические системы (Древний период) / Вячеслав Иванов, Владимир Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
2. Иванов Вяч., Топоров В. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / Вячеслав Иванов, Владимир Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
3. Медведева Н. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции [Электронный ресурс] / Наталья Медведева. – Режим доступа: http://lib.udsu.ru/a_ref/07_12_001.pdf
4. Перепелкин М. Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры (смерть и бессмертие в парадигме традиции).
5. Седакова О. «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» / Ольга Седакова. – М.: «Индрик», 2004. – 320с.
6. Седакова О. Четыре тома. Том I. Стихи /

Ольга Седакова. – М.: Русский Фонд Содействия
Образованию и Науке, 2010. – 432с.

7. Стилистический энциклопедический
словарь русского языка / под ред. М. Кожинной. –
2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. –

696 с.
8. Фрейденберг О. Миф и литература древ-
ности / сост., подготовка текста комм. Д. Брагинс-
кой. – М.: Наука, Главная редакция восточной ли-
тературы, 1978. – 605с.

УДК 811.161.1 - 81'366.531 - 81'38'42

Е.А. Скоробогатова

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОТИВА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛНОТЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Скоробогатова О.О.

ГРАМАТИЧНЕ ВТІЛЕННЯ МОТИВУ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТОРОВОЇ ПОВНОТИ В МОВІ РОСІЙСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

У роботі розглянуто граматичні засоби втілення мотиву предметно-просторової повноти в мові російської поезії. Стверджується, що повнота смислу може передаватися за допомогою повноти граматичної – співположенням грамам трьох родів та словоформ відмінкової парадигми.

Ключові слова: поетична морфологія, поетико-граматичний мотив, граматичний рід, відмінкова парадигма.

Скоробогатова Е.А.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОТИВА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛНОТЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В работе рассмотрены грамматические средства представления мотива предметно-пространственной полноты в языке русской поэзии. Утверждается, что устойчиво воспроизводимым является представление полноты смысловой с помощью полноты грамматической – соположением граммем трех родов и словоформ падежной парадигмы.

Ключевые слова: поэтическая морфология, поэтико-грамматический мотив, грамматический род, падежная парадигма.

Skorobogatova E.A.

GRAMMATICAL REPRESENTATION OF OBJECT AND SPATIAL COMPLETENESS MOTIF IN THE RUSSIAN POETRY LANGUAGE

The article deals with grammatical means of representation of the object and spatial completeness motif in the Russian poetry language. It is asserted that the representation of semantic completeness with the help of grammatical completeness (by grammemes of three genders and a case paradigm of word forms' juxtaposition) is fixed and reproducible.

Key words: poetic morphology, poetical and grammatical motif grammatical gender, case paradigm.

Изучение и описание лирического произведения не только как отдельного поэтического феномена, но и на фоне определенной художественной традиции стало нормой современной поэтики. «Само собой разумеется, что мы получим больше поэтической информации, если включим стихотворение в более широкий контекст и вскроем его связи с другими текстами» [4, с. 18].

Мотивы как элемент поэтического мира автора, направления, художественной эпохи подробно изучены и описаны литературоведами. А.Н. Веселовский рассматривал мотив в отношении к сюжету, Д.Д. Благой выделил и проанализи-

ровал многие пушкинские мотивы. Мотив как единица национальной поэзии описан М.Н. Эпштейном в работе [6, с. 34 — 124]. Мотив художественного произведения обычно определяют как 1) «мельчайший элемент сюжета»; 2) «любой акцентированный, выделенный элемент художественной структуры произведения (...), задача которого дополнить или подчеркнуть основную мысль в некоей обобщенной словесной формуле» [2, с. 92 — 93].

Мы стремимся выделить морфологические показатели, связанные с тем или иным поэтическим мотивом. Устойчивые грамматические спосо-